

Почему Пушкин не хотел завоевать парижский книжный рынок?

Первый вопрос, который следует поставить, — действительно ли Пушкин этого не хотел? На этот вопрос можно с уверенностью ответить утвердительно. Мы не знаем ни одной попытки Пушкина это сделать. Мы не располагаем ни одним свидетельством — зафиксированным в письменной форме или дошедшим в устной передаче — того, что Пушкин намеревался, мечтал или же сожалел о невозможности это сделать.

В таком случае имеет ли этот вопрос право на существование? Все, что мы знаем об отношении Пушкина к Франции, позволяет сказать: да, имеет.

Французская литература занимала в жизни русского поэта совершенно особое место. Эта тема подробно освещена в научной литературе — в частности, в монографиях Б. В. Томашевского, Л. И. Вольперт, Е. Г. Эткинды¹ и многочисленных статьях по тем или иным частным вопросам. Из всего огромного объема сведений выделим те моменты, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Пушкин, в точном смысле слова, вырос на французской литературе. Дело не в том, что он с детства читал французских авторов. Он вырос на ней как поэт. В лицейский период его учителями в поэзии были Парни, Грессе, Мильвуа, Лафонтен, Вольтер и Буало. Влияние этих поэтов ясно прослеживается в ранней лирике Пушкина². Реминисценции, переключки,

¹ *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960; *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007; *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.

² См.: *Вацуро В. Э.* Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 423–439.

отсылки к французским поэтам и писателям постоянны и в его зрелых произведениях. На протяжении всей своей жизни Пушкин постоянно читает французскую литературу, знакомится с новыми авторами. Имена Мольера, Бомарше, Гюго, Стендаля, Мериме, Ламартина, Сент-Бева, Жюль Жанена, мадам де Сталь, Жорж Санд постоянно встречаются в его произведениях, переписке, критических статьях. Ни один сколько-нибудь заметный французский писатель не был обойден вниманием русского поэта. Он знает и цитирует по памяти Монтеня и Шатобриана. Он изучает труды Гизо, Тьера, Тьери, Баранта и других создателей новой исторической школы.

По всей видимости, Пушкин постоянно следил за такими газетами, как «Le Globe», «Journal des Débats», «Gazette de France» и такими журналами, как «La Revue Française», «La Revue de Paris»¹. Отдельные номера этих и других изданий сохранились в его библиотеке. В бумагах Пушкина есть многочисленные выписки из французских газет и журналов. Он был в курсе журнальных дебатов и сам писал отзывы и рецензии на произведения современных французских авторов. Парижские газеты и журналы занимали Пушкина не только в литературном отношении — он живо интересовался современной политической жизнью Франции.

Для Пушкина, как и для всего русского образованного общества первой половины XIX в., Франция, Париж являлись воплощением и символом европейской культуры. Даже Отечественная война 1812 г. удивительным образом не ослабила этого притяжения. Интерес Пушкина к истории и общественной жизни Франции выходит далеко за рамки обычной любознательности. Он пишет о Великой Французской революции, о Наполеоне, о Реставрации, о революции 1830 г., о парламенте так эмоционально, резко, страстно, как может писать человек, лично заинтересованный в судьбе этой страны.

Во Франции тоже знали о Пушкине, хотя и в достаточно узком кругу. Начиная с 1821 г. материалы о русском поэте систематически печатались в журнале «Revue encyclopédique». О нем писал постоянный сотрудник журнала Эдм Эро, русские корреспонденты С. Д. Полторацкий и Я. Н. Толстой. Вообще русские поклонники Пушкина, безусловно, стремились дать представление о нем франкоязычной аудитории. Особо отметим князя Элима Мещерского и Анастасию де Сиркур (урожд. княжна Хлюстина), которые в своих статьях и выступлениях давали самую высокую оценку гению Пушкина и его роли в развитии русской литературы и русского языка. Таким образом, французы знали о Пушкине, но не знали его произведений, которыми так восхищались соотечественники.

¹ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. С. 369.

Между тем еще при жизни Пушкина не раз делались попытки перевести его произведения на французский язык. Уже в 1823 г. в составе «Русской антологии», изданной Э. Дюпре де Сен-Мором, был напечатан перевод отрывка из поэмы «Руслан и Людмила». В 1826 г. вышел перевод поэмы «Бахчисарайский фонтан», сделанный Жан-Мари Шопеном. В 1827 г. Александр де Ругье прочел в Академии Нанси свой перевод «Кавказского пленника». В 1830-х гг. во Франции вышли переводы отрывка из «<Арапа Петра Великого>» (1827) и повести «Выстрел» (1830). Однако весьма вольные переводы Сен-Мора и Шопена и прозаический пересказ Ругье, к сожалению, давали очень отдаленное представление об оригинале¹. При этом хвалебные в основном критические статьи о Пушкине во французской прессе часто сопровождались замечаниями о том, как труден и почти невозможен адекватный перевод его сочинений. Таким образом, французской публике оставалось только верить на слово тем, кто мог читать Пушкина в подлиннике.

Можно с уверенностью предположить, что русский поэт стал бы желанным гостем в светских и литературных салонах Парижа, однако — как политически неблагонадежному — ему был запрещен выезд за пределы России. Дважды он планировал побег за границу, и наверняка первым пунктом его путешествия стал бы Париж. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

В последний период жизни у Пушкина завязались отношения с несколькими известными французами. Можно сказать, что Пушкин был лично, хотя и заочно, знаком с Проспером Мериме. Речь идет о знаменитой истории с пушкинским переводом на русский язык «Гюэлы» под названием «Песни западных славян». Слухи о том, что Мериме сам сочинил произведения, выдав их за славянский фольклор, проникли в Россию. Пушкин через своего приятеля Сергея Соболевского обратился к Мериме за разъяснениями, тот признался в мистификации, и Пушкин опубликовал это признание в предисловии к своим «Песням». В 1836 г. в Петербурге Пушкин встречался с графом Адольфом де Сиркуром и его русской женой Анастасией, горячими поклонниками поэта. Эта супружеская пара была хорошо известна в литературных кругах Парижа. Адольф де Сиркур — публицист, историк и критик — был автором нескольких статей о русской литературе, опубликованных во французских и швейцарских периодических изданиях. Анастасия де Сиркур — прекрасно образованная и умная женщина, была хозяйкой одного из парижских салонов, который посещали видные ученые и литераторы. Насколько можно судить

¹ О прижизненной известности Пушкина во Франции см.: *Дмитриева Н. Л.* Франция // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 267–279.

по дошедшим до нас сведениям, у поэта быстро завязались с ними дружеские отношения. Летом 1836 г. Пушкин встречался с французским литератором и историком Лёве-Веймаром, для которого перевел на французский язык одиннадцать русских народных песен. В 1837 г. Пушкин познакомился с французским послом в Петербурге, историком и публицистом бароном Барантом. Встречаясь в петербургском свете, они увлеченно говорили о русской и французской истории.

Возможно, все эти знакомства положили бы начало какому-то новому этапу в отношениях Пушкина с парижскими литераторами, но всего через несколько месяцев жизнь поэта трагически оборвется.

Итак, сложилась своеобразная, можно сказать, уникальная ситуация: Пушкин, в сущности, являлся активным участником литературного процесса Франции, но незримым для французской публики участником — его стихи, обнаруживающие влияние французских поэтов и развитие их традиций, его рецензии, аналитические и полемические статьи, посвященные французской литературе, были написаны только по-русски и опубликованы только в России. В какой-то момент этот парадокс приобрел очень острую форму. Ода «Клеветникам России» (1831) — страстное и вызывающее выступление Пушкина в поддержку подавления русской армией польского восстания — была обращена непосредственно к французским парламентариям, хотя прочитать ее они, естественно, не могли.

Что думал обо всем этом сам Пушкин, неизвестно. Он хранил полное молчание, хотя трудно вообразить, что этот сюжет его вовсе не занимал. Отдавая себе отчет в том, что все наши рассуждения на эту тему принадлежат к области гипотез, рискнем выдвинуть ряд предположений.

Как известно, Пушкин не просто в совершенстве знал французский язык, он, в сущности, был билингом. Теоретически он мог бы сам перевести свои произведения на французский язык и опубликовать их в Париже. Почему же он не попытался это сделать? Принципы перевода художественных, особенно поэтических, произведений, входили в сферу пристального внимания Пушкина. Его взгляды на этот предмет изложены, в частности, в статье «<О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»>» (1836). Отвергая и слишком свободное обращение с подлинником, и построчный дословный перевод, Пушкин писал о необходимости соблюдать «верность смысла и выражения» (XII, 137). При этом он вполне осознавал всю сложность такой задачи. Когда Пушкин переводил иноязычные стихи на русский язык, он смело включал их в другой языковой контекст. Все его поэтические переводы относятся к категории «вольных», свободных переводов. Он стремился передать дух и смысл оригинала, но мало заботился о лексической точности. Но как мог бы он не заботиться о ней, переводя свои собственные стихи? Для романтиков,

таких как Ламартин и Жуковский, слова в принципе не могут выразить вполне состояние души поэта, поэтому, в общем, можно заменить одни другими. Для Пушкина же проблема «невыразимости» не существовала, его «послушные слова» были точны и незаменимы¹.

Возможно, гениальный поэт лучше других понимал и ощущал почти мистическую связь поэзии со стихией родного языка. Очевидно, поэтические образы уже рождаются в той неразрывности слова, чувства и мысли, которая и есть существо лирической поэзии. Поэты прекрасно переводят чужие стихи, но перевести свое стихотворение — все равно что создать его заново, все равно что написать какое-то другое. Предположим, Пушкин мог бы, наряду с русскими, писать и французские стихи. В ранней юности он написал несколько стихотворений по-французски: в 15–16 лет ему, возможно, было еще почти все равно, на каком языке писать. Но в дальнейшем разница становится принципиальной: на русском он создает новые языковые и поэтические формы, а на французском пользуется готовыми. И через сто лет Марина Цветаева будет говорить, что русский язык создается в процессе поэтического творчества, а французский язык — «уже создан»². В 1820–1830-х гг. это различие было несравненно более значительным. В статье «О предисловии г. Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) Пушкин писал: «...даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны» (XI, 34). Характерно, что, когда Пушкина однажды спросили, умна ли некая дама, он серьезно ответил: «Не знаю, ведь я говорил с ней по-французски»³. Очевидно, он имел в виду, что собеседница использовала готовые языковые модели и стилистические клише, которые в известной степени маскировали ее личные интеллектуальные способности. Но и его собственный поэтический дар в этом случае оказывался менее очевидным.

О существующих переводах своих произведений Пушкин не обмолвился и словом, хотя не исключено, что он их все-таки читал, хотя бы из любопытства. К «жалким переводам в прозе» Пушкин относился резко отрицательно, утверждая, что поэты в них бывают «безвинно оклеветаны» (VII, 488, 496). Если же он видел поэтические переводы своих стихов, то не мог не заметить особенности, о которой через полтора столетия напишет Е. Г. Эткинд: пушкинские стихи во французских переводах того времени

¹ См.: Эткинд Е. Г. «Мои послушные слова...» // Эткинд Е. Г. Божественный глагол. С. 35–36.

² См.: Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. СПб., 1992. С. 92 (письмо М. И. Цветаевой к Р.-М. Рильке от 6 июля 1926 г.).

³ См.: Вяземский П. А. Из «Записной книжки» // Русский архив. 1886. Т. 3. С. 432.

выглядели банальными и подражательными¹. Дело не только в том, что первые переводчики не справлялись с переложением поэтических текстов, при несовершенном переводе плохую службу оказывала русскому поэту его тесная связь с французской литературой. Как отмечал В. Э. Вацуро, Пушкин в юности почти не переводил Парни, «он пользовался его художественным арсеналом для создания своего поэтического языка». Поэзия Парни являлась для него «своего рода моделью новейшей любовной лирики»². Конечно, здесь присутствовало и подражание. Однако есть принципиальная разница между подражанием поэту, пишущему на том же языке или же на другом. В последнем случае поэтические мотивы и образы рождаются заново в другом языковом воплощении и, не утрачивая связи с источником, включаются в другой культурный контекст. Но в переводе на французский все эти реминисценции, прямые и косвенные отсылки, слегка намеченные ассоциации с текстами французских лириков, которыми обогатил русскую поэзию Пушкин, могли производить впечатление прямых заимствований, и только.

Отсутствие личного общения с парижскими литераторами — не столь важное, возможно, для какого-то другого писателя обстоятельство, для Пушкина могло быть серьезным препятствием для того, чтобы непосредственно включиться в литературную жизнь Франции. Дело в том, что Пушкин был человеком не партии, а кружка. Не случайно и противники, и сторонники часто обвиняли его в смешении бытовой и литературной дружбы³. «Литературная аристократия» и «Союз поэтов» имели очень нечеткую идеологическую платформу, но очень ясную дружескую основу. Видимо, именно такой способ существования писателя в обществе был для Пушкина комфортным и естественным. Как бы хорошо он ни знал литературную и околотитулярную парижскую жизнь, он не мог бы найти себе союзников и единомышленников, не имея возможности поддерживать чисто человеческие связи. В последние годы ситуация, вероятно, осложнялась и политическими разногласиями Пушкина с лидерами общественного мнения Франции. Критики российского самодержавия хотели видеть в нем единомышленника, но сам он этого не желал. В 1834 г. в «*Journal de Francfort*» неизвестный автор цитировал речь депутата французского парламента Лелевеля, где он говорил о Пушкине как о вожде свободолюбивой молодежи. В апреле 1834 г. Пушкин писал графу Строганову, переславшему ему эту заметку: «Граф, весьма печально искупаю

¹ См.: *Эткинд Е. Г.* Поэзия Пушкина во французских переводах // *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол. С. 545–546.

² *Вацуро В. Э.* Французская элегия XVIII–XIX вв. и русская лирика пушкинской поры // *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 545.

³ *Вацуро В. Э.* Пушкин в сознании современников // *А. С. Пушкин в воспоминаниях современников*: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 20.

я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь» (XIV, 126; ориг. по-фр.). Подобные резкие высказывания Пушкина по адресу французских либеральных общественных деятелей, его позиция по польскому вопросу иногда интерпретируются как измена прежним вольнолюбивым идеалам. Однако эволюция взглядов Пушкина шла более сложным путем, и эти суждения имели более глубокие причины.

Действительно, позиция Пушкина иногда кажется вызывающе консервативной. Однако всякий раз она обнаруживает нетривиальный, отнюдь не реакционный смысл. Например, Пушкин считал указ Петра I, позволяющий получать дворянство не только по праву рождения, но и за личные заслуги, ошибочным. Это не означает, что Пушкин был против выдвижения достойных людей из низших сословий. Просто он считал, что «наследственность высшей знати есть гарантия ее независимости» («О дворянстве» — XII, 205; ориг. по-фр.). Его высказывание об американской демократии: «Большинство, нагло притесняющее общество» («Джон Теннер» — XII, 104) — звучит эпатажно, но и заставляет задуматься. Видимо, его скептическое отношение к представительной демократии объясняется уверенностью, что «просвещенное меньшинство» никогда не наберет большинство голосов. Его неожиданные рассуждения о пользе разумной цензуры связаны не с охранительными идеями, а с сомнениями относительно благотворности влияния писателей на общество (см.: «Путешествие из Москвы в Петербург» — XI, 263–265). Разумеется, Пушкин был не против политической свободы, но он считал, что степень просвещенности народа обязательно должна немного опережать степень его свободы. В своих статьях и заметках он не раз сравнивает российскую общественную жизнь, критику и журналистику с европейской, отдавая безусловное предпочтение последней. Преимущество европейского общества видится ему, прежде всего, в более высоком уровне культуры и гражданской ответственности. В то же время абсолютная ценность политических институтов европейского образца вызывает у него сомнение. Однако это вовсе не означает, что ему очень нравилось российское самодержавие. По всей вероятности, он хорошо видел ту закономерность, о которой позже писал П. В. Анненков, рассуждая о судьбе Царскосельского лица: «...жизнь вообще никогда не дает более того, что в ней заранее подготовлено, и во все самые пышные формы помещает только то, чем в данную минуту может сама располагать...»¹ Так и «пышные формы» западной демократии — парламент, независимый суд, свободная пресса — явились результатом развития европейского общества, а не наоборот.

¹ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 37.

В российском же обществе Пушкин, видимо, не замечал подобного вектора развития. Выступая иногда защитником российского правительства перед общественным мнением Европы, Пушкин в то же время утверждал, что «правительство — все еще единственный европеец в России» («le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie» — XVI, 261).

Все эти вопросы заслуживают, конечно, гораздо более подробного анализа, но он увел бы нас слишком далеко от темы этой статьи. Здесь нам важно отметить, что политические взгляды Пушкина, справедливые или нет, всегда опираются на его глубокие социально-исторические концепции. Если интерпретировать их в жесткой парадигме: вольнодумец или консерватор, либерал или монархист — можно прийти лишь к очень поверхностным и по существу неверным выводам. Между тем именно так обычно интерпретировались его взгляды и в России, и на Западе, что приносило поэту немало неприятностей. Положение еще более осложняла ситуация, сложившаяся во Франции в 1830-е гг. Как показано в исследовании Веры Мильчиной, в это время в общественном сознании Франции существовали два «русских миража», противоположной идеологической направленности. Один — легитимистский, рисующий Россию страной патриархального порядка и социальной гармонии, другой — либеральный, представляющий ее «империей кнута», царством жестокого деспотизма¹. И тот и другой мираж были достаточно далеки от противоречивой российской реальности. Разумеется, Пушкин не мог присоединиться ни к одной из этих позиций, но, поскольку легитимистский мираж занимал маргинальное место, а либеральный господствовал в общественном мнении, именно он прежде всего и вызывал у поэта чувство протеста.

Не в последнюю очередь его протест объяснялся и чисто психологическими причинами. С тех пор как Петр Великий «прорубил окно в Европу», русские с неослабевающим интересом смотрели в это окно. Смотрели часто с восхищением и завистью, но сами оставались в другом «помещении», и этим «помещением» была их родная страна... Отношение Пушкина к французским либеральным депутатам и публицистам во многом объясняется его откровенным признанием: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство» (письмо к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. — XII, 280).

Итак, очевидное нежелание Пушкина печатать свои произведения во Франции можно объяснить целым рядом причин. Прежде всего, это про-

¹ См.: Мильчина В. А. «Русский мираж» французских легитимистов // Мильчина В. А. Россия и Франция: Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 344–389.

блема перевода лирической поэзии. Проблема, которую не упрощала, но, напротив, осложняла тесная связь творчества Пушкина с французской литературой. Затем, это некоторые мировоззренческие расхождения русского поэта с законодателями французского общественного мнения. Расхождения, порождающие резкие конфликты по частным, но резонансным вопросам. Наконец, это искусственная изоляция поэта, из-за которой он был лишен возможности непосредственно окунуться в атмосферу парижской жизни и познакомиться со своими собратьями по перу, поклонниками и оппонентами.

Таким образом, неизменное интеллектуальное, творческое, эмоциональное тяготение русского поэта к Франции встречало целый ряд разного рода препятствий. Мы не знаем и не узнаем никогда, как воспринимал эту ситуацию сам Пушкин, однако ретроспективно она представляется одним из вариантов (возможно, одним из самых необычных вариантов) вечной драмы «русского европейца».

© Муравьева О. С., 2017

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуро, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7